Анархическая Организация

Доклад, представленный Итальянскому Анархическому Конгрессу в Риме (16-20 июня 1907) и Международному Анархическому Конгрессу в Амстердаме (24-31 августа 1907).

Луиджи Фаббри

1907

Оглавление

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ 3
I. Вступление 3
II. Организация и пропаганда 4
III. Индивидуализм и солидарность 7
IV. Организация и стратегия 11
V. Идеологическая организация 13
VI. Сознательная и бессознательная организация 16
VII. Организация и непоследовательность 20
VIII. Свобода и дисциплина 22
IX. Опасность личного влияния и делегирование функции 24
X. Заключение 27

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

В качестве заключения к следующему докладу об *индивидуальном и коллективном действии в анархическом движении*, представленному **Первому Итальянскому анархическому конгрессу**, состоявшемуся в Риме с 16 по 20 июня сего года (1907), была предложена эта резолюция:

«**Конгресс,**

принимая во внимание, что в борьбе против организованных сил капитализма и правительств необходимо единство анархических сил,

выражает пожелание, чтобы это единство становилось всё сильнее и обширнее на основе солидарности и сознательного участия всех индивидуальных воль;

вследствие чего полагает, что анархисты, уже согласные не только в идеях, но и в методах борьбы, объединят свои силы, повсеместно создавая группы и затем связывая эти группы между собой, при естественном сохранении автономии личности в группах и автономии групп в их объединениях;

заявляет, что, считая необходимым это объединение сил для коллективного действия, столь же необходимым остаётся и индивидуальное действие в его наиболее сознательных проявлениях, со стороны каждого соответственно его силам».

Конгресс единогласно, за исключением одного голоса, одобрил эту резолюцию теоретического характера; и принял, что касается Италии, следующее постановление практического характера:

«**Конгресс рекомендует товарищам из разных местностей безотлагательное формирование групп, чтобы иметь возможность в кратчайший срок приступить к образованию** *Итальянского Анархического Социалистического Альянса* **на началах полнейшей автономии, поручив уже существующим группам подготовительную работу**».

Представляя тот же теоретический и тактический доклад «Международному анархическому конгрессу» в Амстердаме, я надеюсь, что там будут приняты идентичные и ещё более точные резолюции, – и что вскоре от теоретических утверждений мы перейдем в область фактов к созданию Международной Анархической Ассоциации.

Да здравствует Либертарный Интернационал!

Рим, 20 августа 1907.

ЛУИДЖИ ФАББРИ

I. Вступление

Товарищи.

Уже много лет анархическое движение, – начавшееся столь блистательно внутри *Интернационала*, – бьётся в неразрешимом кризисе, и это происходит прежде всего из-за недостатка доброй воли среди нас.

Мы, анархисты, должны признаться, если нас никогда не устрашали преследования, обрушивающиеся на нас извне, то мы всегда имели проклятый страх перед неким призраком, который сами же создали. Прежде всего мы смирились с тем, чтобы быть жертвами всех безумцев, всех чудаков, всех тех, кто впадает в крайности, которые под предлогом логики претендовали не только на то, чтобы оправдывать всё то, что находили непристойным и низким у буржуа, но и на то, чтобы препятствовать и разрушать всякую работу по восстановлению движения, которую пытались предпринять другие товарищи, постоянно выставляя напоказ призрак идейной непоследовательности.

Анархическая идея имеет своей первой основой индивидуальную свободу; но те, кто стал бы утверждать, что индивидуальная свобода при анархии бесконечна и абсолютна, были бы утопистами в самом смехотворном смысле этого слова, ибо бесконечное и абсолютное – это абстрактные понятия, это умственные построения, не имеющие возможности практического осуществления. Ныне же, напротив, всегда во имя индивидуальной свободы некоторые анархисты, в зависимости от того, что им нравится, либо провозглашают право делать что угодно и даже посягать на свободу и право других, либо объявляют непоследовательным любую попытку революционного осуществления анархии и организации для пропаганды.

Здесь мы намерены заняться возражениями, которые выдвигаются против идеи организации.

II. Организация и пропаганда

Обычно говорят, что организация – это метод, а не цель; это ошибка. Принцип организации следует пропагандировать не только потому, что, организуясь сегодня, мы можем лучше подготовить революцию, но и потому, что принцип организации сам по себе является одним из главных постулатов анархической доктрины.

В буржуазном обществе, где государство и церковь берут на себя сверху задачу держать вместе сообщество, чтобы эксплуатировать его в своих интересах, и где индивидуальная воля поглощается и часто уничтожается общественным механизмом, который претендует на то, чтобы брать на себя заботу обо всём вместо него и регулировать жизнь индивидов от рождения до смерти, – в этом обществе, где организация монополизирована государством и капитализмом, единственно мыслимая организация – это организация для борьбы против угнетения и эксплуатации.

Но общество, провозглашаемое анархистами, в котором не будет ни «провиденциальных»[1] людей, ни учреждений, и которое будет основано на участии всех индивидов в производстве и в объединении, потребует, чтобы организация была распространена на всех, вплоть до последнего индивида и чтобы каждый добровольно участвовал в общей гармонии. И поскольку это участие каждого должно быть самостоятельным, добровольным, свободным, чтобы, при отсутствии принуждения, никто не пренебрегал долгом солидарности, необходимо, чтобы сначала было распространено сознание необходимости организации, так чтобы организовываться

[1] То есть пекущихся о людях свыше.

означало удовлетворять истинную материальную и моральную потребность. Вот почему, по нашему мнению, пропаганда организации должна вестись непрерывно, так же как и пропаганда всех других постулатов анархического идеала.

Как мы критикуем нынешние институты государства, собственности, семьи, чтобы провозгласить пришествие анархии, коммунизма, свободной любви, так же мы чувствуем потребность атаковать и критиковать систему авторитарной организации, чтобы пропагандировать идею организации либертарной.

Когда мы слышим, как некоторые товарищи говорят нам «покончить с надоевшим вопросом об организации», мы испытываем такое же чувство, как если бы нам сказали покончить с анархической пропагандой. Увы, мы ещё очень далеки от того, чтобы убедить анархистов в необходимости либертарной организации; но именно поэтому мы не устаём обсуждать с ними и вести пропаганду в том направлении, которое, как нам кажется, соответствует истине.

И поскольку, как известно, лучшая пропаганда – это пропаганда примером, – пропаганда действием, – мы стремимся организовываться, создавать группы, объединяться в федерации. Но наши противники ловят нас на этом, критикуя нашу работу и работу существующих и существовавших организаций. Каждый их недостаток, ошибка или непоследовательность становится хорошим оружием для борьбы с идеей. Они не замечают, что ошибки и недостатки в частностях неизбежны, ибо нет ничего совершенного в мире, и что, кроме того, это не разрушает общей пользы целого, точно так же как жизненные невзгоды не являются основанием для отрицания жизни.

Без организации анархия так же немыслима, как огонь без материи, из которой его добывают. И эту идею мы пропагандируем не только по причинам, о которых скажем далее, но и потому, что мы убеждены, что её духом должно проникнуться современное сознание, особенно же сознания анархистов. Организация для общих целей вместе с людьми других партий и иных идей полезна; но для формирования анархического сознания, для его совершенствования у тех, кто уже анархист, пригодна только организация самих анархистов, которая должна стремиться быть насколько возможно более либертарной. И именно в этом усилии сделать организацию анархистов либертарной состоит выработка нового, антиавторитарного сознания среди нас, – анархизм которых часто ограничивается лишь доктринальным убеждением.

Я не знаю, удастся ли нам, тем, кто за это выступает, действительно создать эту нашу организацию, которую мы хотим, и победить то чувство неохоты, которое есть перед всяким делом, требующим определённого терпеливого и долгого труда. Но этот терпеливый и долгий труд мы хотим начать делать, потому что не хотим пренебрегать этим сильным средством пропаганды, каковым является попытка и пример. – Может быть, – вопреки всем нашим доводам, – многие причины (не последняя из которых – постоянное вставление палок в колёса со стороны многих антиорганизационистов) помешают возникновению настоящих анархических организаций, обширных и долговечных. Может быть, придётся ещё продолжать этот удручающий сизифов труд, начиная дело с одной стороны, в то время как другие разрушают его с другой, – как происходит у нас уже несколько лет. Это может ещё продолжаться, не знаю сколько, и продолжать приводить к тому, чтобы наши организации, – возникающие тут и там по импульсу нашей пропаганды и по неотложной потребности, – имели

спорадический характер и чаще впадали в те ошибки, свойственные их молодости, которые повторяются, потому что им недостаёт непрерывности существования и деятельности…

Какое это имеет значение? Прежде всего, уже сам факт, что существующие или существовавшие организации вели короткую жизнь, служит оправданием совершённых ошибок, которых избегают только с опытом, приобретённым на практике, а не только со знаниями, почерпнутыми из брошюр и газет.

Мы думаем, что самая прекрасная и совершенная организация обречена умереть, если её члены, сколь угодно сведущие в теории, остаются бездеятельными. Достоинство организации состоит именно в том, что *при прочих равных условиях*, то есть при данном определённом числе убеждённых и решительных к действию людей, лучше, чтобы они были организованы, чем неорганизованы. Тогда как естественно, что один действующий изолированный индивид стоит больше, чем тысяча неспособных и бездеятельных организованных людей.

Итак, будет ли эта наша пропаганда иметь силу или не будет, чтобы в короткое время породить анархическую организацию, в необходимости которой мы убеждены, это до определённой степени неважно. Нам будет досадно не добиться успеха, потому что мы не сможем собрать всех плодов, на которые надеялись; но мы, по крайней мере, провели пропаганду понятия, неотделимого от идеи анархии, мы бросили семена, которые рано или поздно прорастут. Пропаганда организации анархистов восторжествует в силу необходимости вещей; и заслуга этой пропаганды будет в том, что тогда организация окажется нашим собственным делом, а не испорченным товаром, который нам одолжат наши противники.

Итак, насмешки, которыми кто-то пытается покрыть наши попытки, обращаются в ничто. Мы уже знаем, что пока существует буржуазное общество, наши попытки либо вовсе не удадутся, либо удадутся несовершенно; – это убеждение не заставляет нас отказаться от такого рода «пропаганды действием». Что такое в сущности революционная борьба, как не ряд бесчисленных попыток, из которых лишь одна, последняя, удаётся, – которая не удалась бы, если бы не было всех предыдущих неудачных? Также и для организации мы всеми силами стремимся добиться успеха; каждое поражение приблизит нас к победе, но каждый раз мы стараемся, чтобы наша попытка была лучше и имела менее несовершенный исход. Это послужит формированию сознания в тысячу раз лучше, чем одна лишь доктринальная проповедь.

С другой стороны, те, кто объявляет себя врагами организации, обычно являются таковыми именно потому, что чувствуют себя неспособными к либертарной солидарности, и в глубине души не умеют выйти из дилеммы: повелевать или быть подчинёнными. У них нет «либертарного» сознания, и поэтому они теоретически не видят иной гарантии индивидуальной свободы, кроме изоляции и отсутствия всякого договора и всякой свободно принятой связи. На практике же они хотят направлять движение; и при первой же чужой попытке уклониться от их директивы, при первом признаке независимости у того, кто упорно думает и делает по-своему, вы услышите, как они отлучают, кричат о непоследовательности и предательстве и утверждают, что тот, кто не говорит и не делает как они, не анархист. Так всегда поступали жрецы всех времён и всех религий.

Кто-то с большей добросовестностью поистине ополчается больше против слова, чем против сути. Они не хотят организации, но затем говорят о согласии, о взаимопонимании, о свободном договоре и об объединении! Мы не занимаемся такими словесными вопросами и ограничиваемся тем, что напоминаем раз и навсегда, что организация не означает власти господствовать, не означает правительства, не означает угнетения, а только и исключительно: *гармоничное объединение элементов общественного организма*.

Как мы хотим, чтобы все люди однажды были гармонично объединены, так сегодня в борьбе за подготовку такого будущего мы предвозвещаем гармоничное объединение анархистов. Организация есть средство для достижения цели и средство, наиболее созвучное социологическим целям анархизма.

III. Индивидуализм и солидарность

Я не буду тратить слишком много времени на доказательство того, что в целом либертарная организация является необходимостью. Я уже в другом месте доказывал, что организация, далеко не ограничивая индивидуальную свободу, расширяет её и делает её действительно возможной, – поскольку она предлагает индивиду гораздо большую сумму силы для преодоления препятствий и для самосовершенствования, которой не хватало бы каждому, взятому по отдельности.

«Максимально возможное удовлетворение собственного «*я*», – говорил я тогда[2], – максимальное материальное и моральное благосостояние, максимальная свобода возможны только тогда, когда человек связан с другим человеком договором взаимопомощи. Человек в согласии с обществом всегда свободнее человека в борьбе с обществом. И социалисты-анархисты борются с нынешней общественной организацией именно потому, что она препятствует существованию общества, относительно полезного для всех отдельных индивидов, и делает так, что всё общество держится лишь на самой ожесточённой и свирепой борьбе, на эксплуатации и насильственном господстве человека над человеком.

Мы можем восставать против этой дурной организации общества, но не против общества как такового, хотя многие индивидуалисты и хвастаются, что хотят его уничтожить. Общество – это не миф, не идея, не орган, предустановленный и созданный кем-то, и который поэтому можно было бы не признавать и пытаться разрушить. Оно также не является, вопреки обвинениям штирнеристов, чем-то отдельным, высшим по отношению к индивидам, чему нужно приносить в жертву собственное «*я*», как перед фетишем. Общество – это просто факт, действующими лицами которого мы являемся естественным образом, и который существует постольку, поскольку существуем мы, составляющие его часть. Общество – это совокупность живых индивидов; и каждый индивид, в свою очередь, таков, каким его формируют внешние влияния, не исключая и социальных. Всё это – естественный факт, связанный со вселенской жизнью космоса. Восставать против этого факта означало бы восставать

[2] L. Fabbri: *L'organizzazione operaia e l'anarchia*. – Edit. Casa Editrice «Il Pensiero» Roma. – L. 0.20. (Рабочая организация и анархия, прим. авт.).

против жизни, умирать. Каждый индивид существует, поскольку он является материальным, моральным, интеллектуальным плодом объединения других индивидов: и он не может продолжать жить, не может быть свободным, не может физически развиваться, если не при условии жизни в обществе».

Многие возражают нам, что человек эгоистичен и что всегда именно эгоизм побуждает человека действовать, даже когда, по видимости, мысли и действия кажутся альтруистичными. Отрицая альтруизм, эти люди с помощью логики приходят к отрицанию духа солидарности и объединения.

Нет ничего более опасного, в известном смысле, особенно для односторонне мыслящих, чем оседлать коня логики и скакать на нём до тех пор, – дав некий принцип, – пока не будут выведены все следствия. И тем более, что часто из одного принципа можно вывести совершенно противоположные следствия. Часто случается, что строятся теории, более или менее верные в своей отправной точке, которые затем, продвигаясь по логическому пути, приводят к некоей точке, куда не верили и не хотели прибыть, – особенно когда скачут по полю абстрактных доктрин, полностью покидая поле фактов, основанных на опыте.

Именно это и происходит со многими анархистами-индивидуалистами всех оттенков, от штирнеристского антисоциалистического индивидуалиста до коммунистического антиорганизационистского индивидуалиста.

Следуя за абстрактной логикой, эти товарищи теряют из виду интерес к анархической и революционной пропаганде и потому изолируются от общества настолько, что больше не могут оказывать никакого влияния на него; что равносильно обречению нашей идеи навсегда оставаться в состоянии утопии. Если, требуя в каждом акте пропаганды и революционного действия *абсолютной* согласованности с абстрактным принципом анархии или со своим собственным истолкованием этого принципа; если, (и это самая истинная причина) перед лицом неоспоримой трудности действовать либертарно, отбрасывается всякая форма действия, в которой эта трудность сильнее, то в конце концов не делают ничего или очень мало, – как Ориген, который, чтобы сохранить чистоту (или, скорее, потому что у него не было сил сохранить её), отрезал себе половые органы. Вся анархическая деятельность сводится в конце концов к критике работы других, к теоретической пропаганде – часто хаотичной и полной противоречий, – и к нескольким изолированным актам бунта, которые в лучшем случае имеют тот недостаток, что требуют слишком большого усилия, чтобы происходить часто и тем самым всегда оказывать реальное и плодотворное влияние на события. Впрочем, как бы ни была полезна теоретическая пропаганда и пропаганда действием (и я не отрицаю этой пользы), и если в ней есть нужда, с другой стороны, она одна недостаточна в своей чисто индивидуальной форме. Чтобы теоретическая пропаганда была более эффективной, она должна быть скоординирована; чтобы факт был более полезным, он должен быть разумным и обоснованным.

Верно, что гений или герой делают больше пропаганды и проявляют больше энергии, чем множество посредственностей. Но мир состоит из посредственностей, а не из гениев и героев; тем лучше, если гений или герой появится из нашей среды, но пока наш долг, если мы хотим действовать реально и иметь уверенность в достижении цели, – рассчитывать также и прежде всего на непрерывное, неустанное

действие многих. А многие становятся силой только тогда, когда они объединены; и каждый индивид в объединении формирует или дополняет своё сознание и совершенствует его. И затем не будем забывать, что гении и герои тоже могут ошибаться, и тогда они приносят больше вреда, чем другие; не говоря уже о том, что есть формы необходимой деятельности, для которых труда одного, даже исключительного, недостаточно и которые нуждаются в сотрудничестве многих; деятельность, которой часто гений или герой не умеет подчиниться. Сотрудничество, организация на основе идеи и метода, свободно принятых и не исключающих других, лучших, а, напротив, предполагающих их, – это методы, которые отрицают многие анархисты индивидуалистического направления; но они отрицают их только потому, что либо, соглашаясь с государственниками, не верят в возможность организации без власти, либо не имеют мужества встретить трудность начать быть анархистами, организуясь анархически, и боятся первых неизбежных падений.

Когда ребёнок учится ходить, он начинает с падений; но это не достаточная причина, чтобы утверждать, что ходьба вредна и что из-за нее можно разбить голову. Анархисты же, которые от индивидуалистического утверждения приходят к отрицанию организации, думают как раз так: – поскольку вначале, организуясь, можно упасть, и непременно упадёшь, в какую-нибудь ошибку и какую-нибудь непоследовательность, они заключают, что организация сама по себе есть ошибка и непоследовательность.

Отрицая организацию, в сущности отрицают возможность общественной жизни, а значит и жизни при анархии. И не стоит говорить, что её отрицают только сегодня; отрицать её сегодня означает отнимать средство подготовить её для завтра. Впрочем, и на этой почве логика сыграет злую шутку. Отрицая рабочую организацию, некоторые уже начали отрицать возможность коммунальной организации в будущем обществе, – просто потому, что не могут представить себе, по той же ошибке восприятия, что коммуна будет впредь не чем иным, как совокупностью свободно сфедерированных в ней организаций, чем-то вроде русского патриархального *мира*, который сможет иметь и свои собрания для обсуждения интересов общины, но который вовсе не будет иметь авторитарного характера, насильственного навязывания, и ни в коем случае не будет нынешней бюрократической коммуной с соответствующими налогами, муниципальной стражей, полевой стражей и… мэром, назначенного королем.

Вопрос же о том, что человек эгоистичен и что этого достаточно, чтобы отрицать объединение, основывается на абсурдном истолковании верного понятия. Да, все эгоисты; но по-разному. Человек, который вынимает хлеб изо рта, чтобы накормить ближнего, – эгоист, поскольку он испытывает в глубине души, жертвуя собой, большее удовлетворение, чем если бы съел всё сам, ничего не дав другому. И так же все другие жертвы, даже самые возвышенные, которые помнит история. Но эгоизмом является и эгоизм буржуазного эксплуататора, который морит голодом своих рабочих, вместо того чтобы пожертвовать одним вечером и не пойти в театр. Эгоизмом является одно, и эгоизмом является другое, – но, чёрт возьми! никто не станет отрицать, что эти два эгоизма очень отличаются друг от друга. И в человеческом языке эта разница нашла своё выражение, окрестив благороднейшую форму эгоизма именем *альтруизма*.

Этот альтруизм есть проявление человеческой солидарности, отвечающее потребности во взаимопомощи, – которая есть между людьми, как и во многих животных сообществах.

Некоторые индивидуалисты не отрицают солидарность; они, однако, отрицают организацию, которая является средством проявления и упражнения солидарности. Солидарность – это чувство, а организация – это факт, соответствующий этому чувству, факт, посредством которого солидарность становится активным элементом революции в сознании и в событиях. Солидарность – это напиток, полный силы и аромата, которому нужен сосуд, содержащий его, чтобы он не разлился по земле, не стал бесполезным и не растерял свою силу и свой аромат. Этот сосуд, эта форма, это проявление солидарности есть либертарная организация, в которой сознание не только не деградирует, но когда оно плохо сложилось – дополняется, а когда сложилось – совершенствуется. Организация не означает, повторяю, умаления «*я*», но возможность для него с помощью других достичь наибольшего удовлетворения; она не означает стеснения и нарушения естественного эгоизма отдельных людей, но, напротив, его более совершенного удовлетворения и облагораживания, такого, что для вызова наслаждения в индивиде ему нужно не зло, а благо других. И поскольку такая форма эгоизма в обычном языке называется *альтруизмом*, чтобы отличить её от другой, грубой формы, которая в нынешнем обществе господ и слуг, правительств и подданных состоит в том, чтобы удовлетворять собственное «я» в ущерб всем другим и без всякого критерия соразмерности и относительности, – без лишних ухищрений и филологических тонкостей заключаю, что *альтруизм* есть всё же нечто положительное и конкретное, что сложилось и существует в человеке.

Это доктринальное отступление было необходимо, чтобы я мог показать, как этот вопрос об организации оказывается не только вопросом метода, но охватывает и формирует также центральную идею анархизма, его конечные цели: чтобы стало понятно, что разделение, существующее по этому вопросу в анархическом лагере, гораздо глубже, чем думают, и предполагает непреодолимое расхождение также и в теории. Это я говорю в ответ добрым друзьям, сторонникам согласия любой ценой, которые заявляют: «Не будем спорить о методах! Идея одна, цель одна; так будем же едины, не ссорясь друг с другом из-за небольшого разногласия в тактике». А я, напротив, уже давно замечаю, что мы ссоримся друг с другом именно потому, что мы слишком близко находимся, и держимся вместе искусственно. Под внешним лоском общности трёх-четырёх идей – упразднение государства, упразднение частной собственности, революция, антипарламентаризм – скрывается огромная разница в понимании каждого из этих теоретических утверждений. И разница такова, что нельзя идти одним путём, не ссорясь, не нейтрализуя работу друг друга, – или, если хотят во что бы то ни стало пребывать в мире и согласии, без того, чтобы каждый отказался от того, что он считает истиной. Повторяю: не только разница в методе, но и сильная разница в идеях.

IV. Организация и стратегия

Многие возражают, говоря, что они противники организации только в нынешнем обществе, потому что считают её невозможной в истинно либертарном смысле до революции. Но в таком случае они забывают, что революция не придёт сама собой, как манна небесная, только силой иерихонских труб теоретической пропаганды; и не от грома одинокой бомбы. Они забывают, что после революции анархия не расцветёт сама собой, как гриб, если не найдёт органов, пригодных отвечать потребностям общественной жизни, органов, способных заменить старые разрушенные органы; и может случиться так, что из-за отсутствия либертарных органов потребность жить подскажет людям восстановить авторитарные.

Но прежде всего враги организации упускают из виду, – и очень часто упускают также друзья, – рассмотрение вопроса с точки зрения революционной подготовки.

Конечно, те, кто вбил себе в голову, что революции делаются не людьми, а приходят естественно, как катаклизмы и землетрясения[3], – эти, говорю я, вполне могут быть противниками всякой организации и довольствоваться устной и письменной пропагандой и красивым изолированным жестом каждые два-три года. Но теперь уже известно, что идеи ходят ногами людей, что революции порождаются мыслью этих людей и делаются их руками, помимо того что они вызываются социально-экономическими факторами, ставшими неизбежными в силу цепочки следствий, причины которых восходят ко временам, много более ранним, чем наши.

Искусственная революция, совершённая в пользу одной партии или одного класса, с другой стороны, была бы неизбежно обречена на провал, если бы не основывалась на гораздо более общих интересах и если не застала бы благоприятных условий для переворота, необходимость которого ощущалась бы всеми.

Социальный вопрос, как известно, в настоящее время приобретает почти исключительно облик рабочей проблемы, и именно рабочей проблеме нужно посвятить все силы, чтобы сделать из него рычаг и действительно поднять мир, стараясь не отклоняться по пути на тропинки политики, интеллектуализма и революционного и либертарного спорта. Это, однако, не отменяет того, что рабочая проблема, чтобы быть решённой и чтобы вместе с тем целостно решить проблему хлеба и воли и не утонуть жалко в классовом эгоизме, порождающем реформизм, должен рассматриваться в самом широком смысле, какой возможен.

Нужно показать, то есть, как от освобождения пролетариата и от капиталистической монополии зависит также решение вопроса об индивидуальной свободе человека и всех проблем морального характера, которые тяготеют и угнетают современное сознание.

Необходимо также, чтобы заинтересованные в этом перевороте, пролетарии, осознали свои права, свои потребности, силу, которую они держат в руках, если захотят. Чтобы условия для революции были благоприятными, нужно, чтобы рабочие *чувствовали* огромный дискомфорт, в котором они живут, и не оставались в нём, погружённые в мусульманскую беспечность и покорность; нужно также, чтобы у них было относительно ясное представление о средстве от зла, которое они терпят, – и

[3] Жан Грав, «*Умирающее Общество и Анархия*», глава «XVIII. Революция и Анархизм». (прим. авт.)

прежде всего точное и ясное понимание того, как разрушить и низвергнуть нынешний порядок вещей. Мы должны прежде всего сфокусироваться на формировании этого сознания у пролетариата, – и наиболее эффективное средство для этого – это пропаганда, это непрерывное упражнение в борьбе против капитала и государства.

Но средства для ниспровержения капитала и государства нужно также готовить, и вот здесь возникает необходимость революционной организации. Поскольку первое и самое важное средство – это объединение не хаотическое, случайное, местное и раздробленное, но непрерывное и продолжающееся во времени и пространстве.

Те, кто не терпит даже той моральной связи, которая следует из взятого на себя обязательства помогать друг другу ради данной цели, скажут, что это умаляет их индивидуальную автономию; и может быть это так. Но свобода и автономия абсолютные – абстрактные понятия; мы должны смотреть на факты, на то, что мы действительно хотим и можем получить от этой автономии и свободы. Власть, против которой мы боремся, – власть священника, хозяина и карабинера, – вполне заслуживает того, чтобы, избавляясь от неё, мы принесли немного в жертву, добровольно, нашу индивидуальную гордость, чтобы работать с другими над избавлением от буржуазного и государственного произвола, даже с теми, у кого нет нашей силы и нашего сознания, какое мы себе выработали.

Не знаю, удастся ли однажды человечеству стать совокупностью индивидов, настолько свободных друг от друга, чтобы не зависеть взаимно никоим образом, ни в материальных интересах, ни морально. Достоверно то, что цель социальной и либертарной революции, которая возвещается и прихода которой мы желаем, будет пока не чем иным, как освобождением пролетариата от привилегии и капиталистической монополии и всех индивидов от насильственной и принудительной власти человека над человеком.

Чтобы сделать это, нам нужно бороться против грозных сил, коалиции хозяев, поддерживаемой священниками, бюрократией, армией, судом, полицией. И чтобы бороться против них, чтобы уничтожить все эти кровавые и мучительные колёса капиталистического и авторитарного механизма, стоит среди угнетённых объединяться во взаимный солидарный союз и добровольно принимать, – сколь бы нетерпимы мы ни были к связям, – моральную дисциплину.

Недостаточно, чтобы люди сознавали свои права и потребности и знали, каково средство для их защиты и отстаивания; нужно также, чтобы они были в состоянии применять эти средства.

И в этом смысле воля революционеров имеет первостепенное значение. Революция несознательных может быть почти бесполезной; но столь же несомненно бесполезно и сознание, в коллективе и у индивидов, своих потребностей и прав, если нет силы воли действовать и претворять на практике то, что понято в теории. Вот почему нужно объединяться и организовываться, чтобы сначала обсудить, а затем чтобы собрать средства для революции и, наконец, сформировать органичное целое, которое, вооружённое своими средствами и сильное своим единством, сможет, когда исторический момент пробьёт свой час, смести с мира все заблуждения и тирании религии, капитала и государства.

V. Идеологическая организация

«Организация, которую отстаивают социалисты-анархисты, – это, естественно, не та авторитарная организация, образцы которой мы видим как в католической церкви, так и в марксистской, а либертарная, добровольная организация множества индивидуальных единиц, объединённых ради общей цели в применении одного или нескольких методов, считающихся хорошими и свободно принятых каждым. Конечно, невозможна такая организация, если составляющие её индивиды не привыкли к свободе и не избавились от авторитарных предрассудков. С другой стороны, необходимо организовываться, чтобы приучаться жить в свободном объединении»[4], то есть чтобы привыкнуть пользоваться свободой.

Так необходимость организовываться остаётся; и под организацией я понимаю объединение анархистов в группы и федеративное объединение групп между собой на основе общих идей и общей практической работы, которую нужно выполнять, – при естественном сохранении автономии индивида в группах и автономии групп в федерации, и с полной свободой для групп и федераций формироваться в зависимости от возможности и обстоятельств, по профессии или по району, по провинции или по региону, по национальности или по языку и так далее.

Федеративная организация, так понимаемая, без центральных органов и без власти господствовать, полезна и необходима. Полезна потому, что, просто-напросто, объединение создаёт силу; необходима также потому… Мы постараемся здесь сказать ещё несколько «*потому*», помимо тех, что мы привели выше, не претендуя при этом на то, чтобы перечислить их все.

Людей, называющих себя анархистами, в мире много, но именем анархии сегодня крестят столько разных идей, мнений, тактик, что тот, кто находится в борьбе, вынужден выбрать одну из них и знать, кто те, у кого с ним общие стремления; и кто, хотя и называя себя анархистом, имеет совершенно противоположные. Если некоторые идут путём, совершенно противоположным нашему, и используют средства борьбы, которые противоречивы, нейтрализуют и разрушают достигнутые нами результаты, – это различие, эти противоречия зависят от разных и часто совершенно противоположных значений и истолкований, которые даются слову «*анархия*».

Однако если бы речь шла только о чисто научных и философских академических занятиях, не было бы нужды слишком различаться в формах и отделять группу от группы. Более того, не было бы нужды даже объединяться в группы. Но анархизм, – по моему мнению и, полагаю, также по мнению многих, – если в теории он является научным и философским направлением, умозрительной доктриной, то на практике он хочет быть также человеческим движением борьбы и революции, которое имеет данные близкие или далёкие цели, имеет данные средства и установило как отправную точку данные истины, в отношении которых все, кто в этом определённом смысле движется, согласны. Итак, каким образом будет возможно очертание энергичного и как можно скорее решающего движения, если мы, – которые верим, что больше других обладаем истиной, и больше других, как нам кажется, отстаиваем хорошие методы революции, чтобы идти к целостной свободе анархии, – если мы не

[4] Луиджи Фаббри, «*Рабочая организация и анархия*». (прим. авт.)

объединяемся в группы, не организуемся так, чтобы работа одних не противоречила и не нейтрализовалась работой других; чтобы мы сами не могли знать, кто, – хотя и называет себя анархистом, – с нами, а кто против нас?

Если мы хотим продвигаться вперед, если мы хотим сделать нечто большее, чем каждый из нас может в одиночку, мы должны знать, с какими из тех, кого мы называем *товарищами*, мы можем идти в согласии, а с какими нет. Особенно это необходимо, когда речь идёт о действиях, о движениях, о методах, с которыми нужно работать множеством, чтобы добиться какого-то результата в нашем смысле.

Поскольку есть инициативы, движения, действия, которые невозможны без участия многих индивидов и целых регионов или наций, постольку возникает необходимость взаимопонимания не только от индивида к индивиду и от группы к группе одного города, но и от групп одного города к группам другого и – почему бы нет? – от групп одной страны к группам другой.

Необходимость различаться, организуясь среди анархистов, у которых есть общие особые формы и особые методы коллективной борьбы и пропаганды, навязывается также ради ясности идей перед лицом противников. Которые, – пока мы под общим названием анархистов позволяем брать нас всех скопом, – всегда будут иметь основание спрашивать нас, что же такое наша анархия. Есть те, кто говорит, что это школа социализма, и те, кто, напротив, крестит её как его отрицание; кто видит в ней торжество индивида против человечества и толкует её как непрерывную борьбу *dentibus et rostris*[5] между людьми, и кто – как человеческую солидарность по преимуществу. Худшие странности выдаются как квинтэссенция анархической философии; кто-то недавно даже утверждал полезную социальную функцию преступления при анархии…[6]

Мы не претендуем на непогрешимость; можем и ошибаться, но верим, что правы. И пока будем верить, что правы, будем всячески стараться, чтобы другие не считали нашу идею полной противоположностью тому, что она есть. Более того, если у нас есть потребность тратить наши скудные средства на пропаганду, которую мы считаем хорошей, мы отказываемся помогать той, которую считаем плохой. Мы ни в малейшей степени не хотим солидаризироваться с идеями и методами, которые не наши; и поэтому хотим избежать путаницы, которая связывает нас в один пучок и делает нашу пропаганду хаотичной, противоречивой и невразумительной.

Тем более что из вышеупомянутых разных теоретических истолкований анархии проистекают методы и линии действия, также весьма разные и противоречивые, – некоторые из них настолько антисоциальны и антилибертарны, что препятствуют нашей пропаганде больше, чем самая свирепая реакция.

Вы, например, сторонники профсоюзной организации и идёте читать речь, чтобы советовать рабочим организовываться? Так вот, на той же площади, где вы говорили в пользу организации, всеобщей забастовки, революционной агитации за восьмичасовой рабочий день, во имя анархии, – назавтра, всегда во имя анархии, другой, называющий себя анархистом, придёт сказать, что рабочая организация – бесполезная обуза, что всеобщая забастовка – утопия или замануха, и что завоевание восьми

[5] Всеми средствами

[6] В равеннской *Aurora*. (прим. авт.)

часов – жалкая реформистская мера, недостойная того, чтобы её поддерживали революционеры, – всё это я часто читал в анархических газетах антиорганизационистского направления. И если вы своё мнение пишете в газете, в следующем номере другой полностью его опровергнет; и если у вас нет счастья быть верховным манипулятором газеты… у вас не будет даже свободы, нужной для дискуссии.

Но потом, даже имея возможность свободно обсуждать, вы добьётесь лишь хорошей академической дискуссии; ибо вы не сможете делать дела и собирать вокруг себя для действия тех, кто одобряет вашу идею, и добиваться одобрения вашей идеи тем определённым числом людей, которое необходимо, если не будете отличаться, если не будете объединяться с теми, с кем вы согласны, и говорить: «Вот; мы анархисты, которые хотят делать это, это и это, и по таким-то вопросам мы думаем так, так и так. Приступим к делу!».

Итак, не надо забывать, что организация – это *средство* отличаться от других, уточнять программу установленных идей и методов, – своего рода знамя, вокруг которого собираются и под которым идут в бой, зная тех, на кого можно рассчитывать, и осознавая какими силами можно располагать.

Формы этой организации мало что значат; и часто единственная форма, которая отличает её от неявной организации тех, кто говорит, что не организован, – это имя. И имя мы берём потому, что оно уточняет нашу идею и наши намерения, потому что оно имеет ценность программы. Например, мы говорим «*анархическая партия*» и понимаем просто совокупность всех тех, кто борется за анархию; а когда уточняем ещё лучше: «*анархическо-социалистическая федерация*», мы понимаем сформированное ранее объединение отдельных сторонников всех групп и индивидов, которые в данной местности пришли к согласию вокруг программы идей и методов. И странно, что находятся те, кто придирается к слову «*федерация*» больше, чем к родовому слову «*партия*», тогда как мы взяли его именно потому, что оно исторически подразумевает, – как было и в намерении Бакунина, – понятие децентрализованной организации, снизу вверх, или, лучше (поскольку не должно быть ни низов, ни верхов), от простого к сложному. Именно мы говорим, что объединяемся в *федерацию*, потому что это слово уже приобрело значение, противоположное централизации и отрицающее её; так же, в гораздо более относительном смысле, есть республиканцы-федералисты в противовес республиканцам-унитаристам.

Мы, анархисты, которые в некоторых местах, как в Риме, организовались, сформулировали программу; и в сущности все, кто её принимает, образуют организацию, установленную этой программой, в её группах или индивидах; способ же, которым они будут понимать друг друга для общего действия, формы федеративной организации и отдельных групп, внутренние правила – каждая группа и каждая федерация решает по-своему, посредством переписки, газет, конгрессов и так далее. Какая-нибудь группа или какая-нибудь федерация может переусердствовать в некоторых формальностях, – ошибки скорее на словах, чем на деле, – но если даже совершаются ошибки, они таковы, что и противники организации, стоит им только объединиться раз, чтобы сделать что-то общее, могут их совершить.

Но мы считаем необходимым откровенно встать на чётко определённый путь, со своими средствами, с ответственностью только за наши собственные действия, – так, чтобы то, что мы делаем, не разрушалось другими, а их немало, которые в тео-

ретической пропаганде и в действии говорят и делают массу идей и вещей, которые нам не кажутся анархическими или, по крайней мере, не таковы, какими, по нашему мнению, они должны быть, чтобы приносить пользу, а совсем наоборот. И так, чтобы наши идеи и наши методы предстали в своём свете ясно, без двусмысленностей и путаницы, как в глазах товарищей и сочувствующих, которые смогут таким образом покончить со столькими неопределённостями, так и в глазах публики, чтобы она знала, что наши идеи – вот такие, а не противоположные; и чтобы пропаганда от этого выигрывала так, чтобы давать устойчивые результаты, на которые рано или поздно можно было бы опереться для чего-то решающего.

Тот, кто не решается быть с нами из страха перед словом, – хотя и делает, как делаем мы, – только чтобы не отвратить тех, кто в сущности наши противники, проявляет слабость и увековечивает путаницу, прикрывая своим знаменем, своим добрым намерением много испорченного товара. Поэтому лучше, чтобы они были отделены от нас.

Однако организовываться и различаться так, от тех, кто в некоторых существенных вещах не согласен с нами в истолковании слова и в методах анархии, – вовсе не означает, что мы претендуем на монополию слова и анархического движения или что мы хотим исключить кого-либо из великой либертарной семьи. Но быть всем одной семьёй не всегда означает иметь всем одни и те же идеи и один и тот же темперамент, хотеть делать одно и то же и быть обязанными полностью соглашаться. Напротив, в большинстве семей происходит как раз обратное.

Может быть, помимо идей, то, что разделяет нас в тактике, – это отчасти также темперамент, и определяющим для объединения или разъединения является склонность некоторых держаться вместе, а других – индивидуализироваться. Я, со своей стороны, хотя и чувствую себя достаточно хозяином самого себя, то есть достаточно *индивидом*, знаю, что чувствую себя сильнее, когда ощущаю позади, впереди и рядом с собой солидарность других; и мне вовсе не кажется, что моя личность умаляется, связываясь взаимным договором с моими спутниками. Но этот вопрос темперамента укрепляет, а не ослабляет мой тезис. Если есть течения, которые и по темпераменту не могут идти вместе, лучше, чтобы каждое шло своим путём и они различались.

Если я настаиваю на необходимости организации также и перед теми, кто, допуская её на деле и практикуя её, отвергают её теорию и имя, то ещё и потому, что у меня есть ощущение, – и я не думаю, что обманываюсь, – что многие, говорящие, что расходятся с нами больше в словах, чем в идеях, больше в видимости, чем в деле, являются немного жертвами иллюзии; и что их страх перед словом есть лишь признак некоторой бессознательной и неисповедуемой неприязни также и к сути.

VI. Сознательная и бессознательная организация

Многие товарищи, которые боятся слова больше, чем сути, и иногда приносят суть в жертву из-за неприязни к слову, говорят, что организацию не нужно создавать, но что она уже существует сама по себе.

Это верно. Человек, который мыслит и борется, – существо общественное, по преимуществу организуемое и организованное. Поэтому и те товарищи, которые называют себя противниками организации, в сущности организованы.

Только эта организация, не имея имени и внешних форм, делает вид, что не существует, и служит для того, чтобы можно было сказать нам: Видите? мы прекрасно обходимся без организации! – И служит также для того, чтобы маскировать и скрывать то, что может быть мало связано с понятием целостной автономии во внутреннем функционировании такой организации. Такие непоследовательности неизбежны в нынешнем обществе, и я не использую их для борьбы с антифедералистским методом; но мне важно обратить внимание на то, что там, где отсутствуют внешние формы организации, отсутствует также важное средство контроля, чтобы видеть, насколько и до какого предела такая организация остаётся либертарной. Когда же есть видимая организация, суть которой обнаруживается её формой, она лучше даёт поле для критики; и можно, следовательно, лучше бороться и устранять, насколько возможно, внутри неё антилибертарные проявления.

Именно так. Сознательная организация полезна также потому, что она – лучшее средство, – когда она подлинная и содержательная, а не *только* формальная, – чтобы помешать одному индивиду или группе сосредоточить в себе всю работу пропаганды и агитации и стать слишком влиятельным вершителем судеб движения. Неорганизованные, или, лучше, те, кто организован, не зная этого, и потому считающие себя более автономными, чем другие, могут быть гораздо больше, чем организованные, добычей красноречивого оратора-проходимца, более активного товарища, более предприимчивой группы и лучше сделанной газеты. Они бессознательно организованы оратором, агитатором, газетой; и пока эти делают хорошее дело, всё идёт хорошо, но если они возьмут ложное направление… доброй ночи! Прежде чем они это заметят, пройдёт немало времени. Напротив, анархисты, которые организовались сами, зная, что делают, также и потому, что сами внешние формы напоминают им, что они объединены, и что они обсуждают по принципу каждое предложение, от кого бы оно ни исходило, менее подвержены неожиданностям; и именно потому, что объединение создаёт силу, они могут противопоставить большую силу сопротивления внушению более умных, более симпатичных или более активных товарищей. Они знают, что они организованы, они сознают свою организацию; и известно, что труднее управлять массой людей, сознающих своё положение, чем бесчисленным множеством несознательных.

Поскольку и организованные являются также обычными людьми, и даже вся добродетель организации не может спасти их от впадения в ошибку, и поскольку, повторяю, в нынешнем обществе совершенная либертарная последовательность организации невозможна (будет ли она вообще возможна и при анархии?), они тоже, хотя и в меньшей мере, часто будут подставлять себя критике *чистых* в теории, ибо и их организации придется не раз принимать непоследовательные аспекты и производить некоторые проявления централизации и авторитаризма. Но их вина по сравнению с антиорганизационистами состоит только в этом: что соломинка в их глазу видна всем, потому что есть публичная организация, тогда как бревно в глазах других сразу не видно, – что не отменяет того, что это приносит гораздо больший вред принципу анархии.

Нельзя переоценить важность этой, являющейся фактом, истине: что отсутствие видимой, нормальной и желанной каждым из её членов организации делает возможным установление произвольных организаций, ещё менее либертарных, которые верят, что победили всякую опасность авторитаризма, только отрицая собственную сущность. И эти организации, действующие бессознательно, представляют большую опасность, поскольку ставят анархическое движение в распоряжение и на службу ловкачам и интриганам.

Сегодня большинство анархистов не организованы; но именно эта формальная неорганизованность делает так, что масса товарищей подвергается интеллектуальному господству, без контроля, со стороны редактора газеты или оратора. Это тоже форма организации, но менее анархическая, потому что более централизованная и более персоналистская.

Мы хотим, словом, *сознательной организации*, – которая зависит от нашей воли, – чтобы не быть вынужденными терпеть бессознательную и неявную организацию. Поскольку нужно добиться торжества чего-то определённого и точного, есть необходимость *организовываться на деле, а не только по имени, потому что будет нужда не только в сознании, но и в количестве*. Быть многочисленными вовсе неплохо… Но пусть не думают, что мы хотим противопоставить как абсолютные антиподы слова: *сознание и количество*. Можно быть многочисленными, даже будучи сознательными; и впрочем, даже если бы сознательных было мало, то, что им помогают менее сознательные, не сделает их, конечно, несознательными. Не говоря уже о том, что менее сознательные в организации, при контакте с сознательными, приобретают недостающее им сознание, кто больше, кто меньше, в зависимости от ума и доброй воли. Даже когда многие не организованы, разве не может быть так, что многие, привлечённые в орбиту действия более симпатичным, умным или активным индивидом или группой, тоже бессознательны? Только в этом случае многие, которые могли бы быть привлечены на почву борьбы, помочь ей и впоследствии стать сознательными, из-за отсутствия организации оставлены в темноте и бездействии…

Но затем давайте раз и навсегда хорошо поймём друг друга в отношении этого пресловутого сознания! Нам говорят: «либо ваша организация состоит из сознательных, и тогда организация бесполезна (ошибка и это, но… оставим), либо она состоит из несознательных, и тогда она вредна, потому что сбивает с пути и становится централизованной, авторитарной» и так далее. Сразу напомним, что, поскольку и те, кто называет себя антиорганизационистами, на деле, если не хотят изолироваться от жизни и борьбы, рано или поздно и так или иначе организуются, то есть возражение действительно и против того, кто его выдвигает. Однако это всё равно ошибочное возражение. Не бывают сознательными или несознательными абсолютно; сознание – вещь относительная и многообразная. Есть *более сознательные* и *менее сознательные*; и между абсолютом (впрочем, несуществующим) добродетели-сознания и пороканесознания есть такая длинная шкала градаций, как лестница Иакова. Так можно быть сознательным революционером и вместе с тем мало последовательным анархистом; и анархист, последовательный до ханжеской щепетильности, может быть прямым отрицанием революционера. И всё же и тот и другой в своё время и в своём месте полезны анархии, – как полезны и те, кто сознателен (позвольте сравнение) на 10 градусов по Цельсию, и те, кто на 100.

Впрочем, один из так называемых несознательных, если он соглашается быть в анархической организации и помогает нам в борьбе, будет всегда лучше и это уже плюс, чем если бы его не было; он во всяком случае будет более сознательным, чем те, кто пребывает в умственной тьме и коснеет в бездействии или, хуже того, воюет против нас, являясь грубой силой в руках священника и лейтенанта карабинеров. Если бы организация служила только для того, чтобы создавать число (а она служит вместо того многим другим вещам), – даже не принимая во внимание культуру, которую она распространяет, знания идей, которые от непрерывного контакта возрастают среди организованных, – только за это она была бы полезна как производительница индивидуального и коллективного сознания.

Но целенаправленная пропаганда анархистов, сторонников организации, есть также форма, одно из проявлений подготовки будущего общества, – сотрудничество в том постепенном его построении, средство влиять на среду и менять её условия. И другие работают над тем же делом согласования усилий. Но мы хотим работать определённым образом, который считаем более эффективным, и выбираем те способы борьбы, которые более соответствуют нашему взгляду и, если хотите, нашему темпераменту. В конце концов, это будет способ, как и любой другой, разделения труда.

Именно *чтобы гораздо мощнее способствовать формированию свободной среды и влиять на пролетариат, чтобы вовлечь его в борьбу против капитала* более плодотворно и более организованно, мы, анархисты, имеющие особое понимание борьбы и движения, намерены предварительно договориться о том, как, не растрачивая попусту усилия, мы можем внести такой вклад и оказать подобное влияние. Если это привлечёт пролетариат в наши ряды, в нашу партию, тем лучше; значит, мы сумели хорошо вести пропаганду и сумели приблизиться к революции и торжеству анархии.

Анархическая организация должна быть координатором наших усилий, нашей пропаганды; должна быть, так сказать, либертарным советником, который направляет нас в нашей боевой деятельности изо дня в день. На её программу мы можем опираться, чтобы распространять нашу деятельность в других областях, во всех отдельных организациях, ведущих борьбу по конкретным вопросам, в которую мы можем проникать и приносить нашу деятельность и действие: например, в профсоюзы, в антимилитаристские общества, в антирелигиозные и антиклерикальные объединения и так далее. Наша особая организация может служить таким образом почвой для концентрации анархистов (не централизации, заметьте!) сплочения, согласия, насколько возможно более полной солидарности между нами. Объединённые между собой, мы будем меньше подвержены опасности дать втянуть себя в непоследовательности и сбиться с общего порыва борьбы в битвах и отдельных стычках, где иначе другие, не вполне и во всём с нами согласные, могли бы перехватить у нас инициативу.

И если наша организация станет таковой не только по имени, но и на деле; если, то есть, ей удастся установить прочные и надёжные узы дружбы и *товарищества* между всеми анархистами и она добьётся их действенного согласия по главным постулатам нашей программы; тогда она будет полезным и мощным органом в момент решающего действия, после того как была им в подготовке. А организация, пригодная для такой цели, не создаётся в одночасье; ожидая, чтобы её создали

события, – вместо того чтобы предвидеть их, мы подвергаемся двум опасностям: либо нам придётся вдруг договориться на ненадёжных и мало либертарных основах, либо (что, к сожалению, ещё вероятнее) дать событиям застать себя врасплох, как простофиль.

VII. Организация и непоследовательность

Одно из наиболее повторяемых возражений против концепции организации не только местной, но региональной, национальной и международной, – федеративным методом, – состоит, как мы видели, в том, что таким образом можно впасть в непоследовательность, в противоречие с антиавторитарной концепцией анархии.

Но чтобы говорить об этой пресловутой последовательности, нужно всё же немного уточнить, что она такое! «Последовательность» многие сделали настолько эластичной, что её расширяют и сужают по удобству того, кто её применяет. Часто можно применить, перефразируя, к анархистам разных фракций известный девиз, который Ферреро вкладывает в уста дикарю: «Последовательно то, что делаю я и мои друзья, непоследовательно то, что делают те, кто думает не как я». И таким образом можно взаимно отлучать друг друга до бесконечности, потому что каждый сумеет найти способ доказать, что его противник непоследователен с идеями и потому не «хороший анархист», – тем более когда принципы анархии, которые берутся за основу, так сильно разнятся в понимании от индивида к индивиду, от группы к группе.

Итак, что означает эта последовательность, которую вытаскивают на каждом шагу, особенно те, кто ничего не делает, против тех, кто склонен к деятельности? Она означает: не делать на практике ничего, что противоречило бы теории. Запрет, как видно, который индивидуалисты должны были бы первыми не признавать, они, которые являются последователями до щепетильности, или, лучше, только до буквы, раблезианского и плохо понятого «делай что хочешь».

Чтобы имелась последовательная связь между теорией и практикой, нужно, прежде всего, чтобы была определена теоретическая программа, в пределах которой практика должна вращаться, чтобы не противоречить ей. А наша программа была не раз сказана и пересказана, потому что мы слишком распространяемся о ней. Анархия означает *отсутствие правительства* и, более пространно, отсутствие всякой особой авторитарной и насильственной организации, посредством которой насилием и угрозой насилия человека принуждают делать то, чего он не хочет, и не делать того, что он хочет делать. Отсутствие, следовательно, не только правительственного органа, законы которого запрещают или предписывают делать то, что установили законодатели, – но и отсутствие хозяина, который навязывает свою волю, давая по своему усмотрению больше или меньше хлеба желудку пролетариев; отсутствие священника, который побуждает всех склоняться перед ним и особенно побуждает народ повиноваться правительству и хозяину моральным насилием религии (угроза страшного насилия, ада, после смерти).

Итак, чтобы совершить непоследовательность по отношению к принципам анархии, в анархической организации нужно было бы, чтобы эта организация нарушила такую программу, создав внутри себя власть, которая имела бы полномочия и воз-

можность навязывать насилием собственную волю или даже волю большинства своим участникам. Каждый видит, что в наших организациях это почти совершенно невозможно, – если не сказать *абсолютно* невозможно. Как вы хотите, чтобы коллектив анархистов уполномочил одно или несколько лиц навязывать их собственную волю? – и даже в абсурдной гипотезе, что они захотели бы (и тогда это не было бы больше объединением анархистов, уже по одному тому, что эти *хотят* нечто подобное), где бы они нашли средство создать власть, которая могла бы силой принуждать своих подчинённых делать то, чего они не хотят?

Анархическое революционное движение – это борьба против насильственного и принудительного проявления власти; и партии, в которых такое насильственное принуждение не осуществляется, – и, чтобы не заниматься софистикой, я говорю, что под насилием я разумею только прямое материальное насилие или угрозу материального насилия, которым осуществляется принуждение, – эти партии на практике не авторитарны. Чтобы быть таковыми, – хотя и не имея в себе авторитарных насильственных органов, – нужно быть ими по принципу, сознательно, по программе и по принципу.

Например, республиканская партия, социалистическая партия и многие рабочие организации авторитарны не столько потому, что осуществляют настоящую насильственную власть, и не потому, что организованы, а просто потому, что их цель авторитарна, их идеи и их программы допускают, более того, считают необходимой власть, и их методы политической борьбы соединяются через легализм и парламентаризм с действующей властью правительств и буржуазного общества.

Для анархистов такое невозможно, поскольку непреодолимый барьер отделяет их от правительственных и буржуазных кругов вдвойне: антиавторитарной идеей и непримиримой, антипарламентской и революционной практикой, находящейся вне рамок закона.

С организацией случилось немного так, как со многими другими вещами. Увидели, что политические партии, существовавшие до сих пор, выродились, и причину этого приписали тому факту, что они были организованы. Но причину спутали со следствием. Республиканская, социалистическая или рабочая организация вообще претерпела вырождение в авторитарном и легалистском смысле по простой причине, что содержала в себе зародыш столького зла, саму идею, что без власти нельзя держаться вместе; и этот зародыш был взращён прямо-таки, так сказать, интенсивной культурой с легалистской практикой участия в авторитарных функциях государственных и буржуазных органов.

У анархической организации есть сильное противоядие против этого зловредного зародыша авторитаризма: антипарламентская и антизаконодательная тактика, непримиримая по отношению ко всем правительственным органам. Вот почему я непримиримо антипарламентарист, потому что пока анархисты не уступят ни одной линии, – ни под каким предлогом удобства и сиюминутной пользы, – они смогут, может быть, немного ослабить по другим причинам свой революционный дух, но всегда останутся анархистами в душе, а не только на словах; и рано или поздно революционный дух воскреснет под напором самой идеи. Их организация, когда у неё краеугольным камнем будет программа, которая уточняет её действие в том, что касается идеи, не может стать авторитарной, – потому что у неё нет ни нужды,

ни возможности, ни повода, – без того чтобы полностью не отречься от всей идеи, всей практики, всей истории и самого слова анархия. А чтобы сделать это, нужно было бы по принципу, *априори*, сознательно переменить весь путь, повернуть фронт в теории и в движении и сказать: мы больше не анархисты.

Организация – это не сознательный орган, существующий сам по себе, который руководит своими членами; это её члены делают её в соответствии со своими теоретическими и практическими критериями. Не организация может превратить анархистов в не-анархистов; это именно анархисты, меняясь сами, могут сделать так, что организация станет из анархической, какой была, авторитарной. Поэтому, – пока анархисты, даже будучи организованными, остаются анархистами, сохраняют анархическую идею, продолжают её пропагандировать и придерживаются тактики, которую отстаивали до сих пор, – страх отклонений и непоследовательности по отношению к идее только из-за факта организации повисает в воздухе и оказывается совершенно детским.

Я уже сказал, как эту идейную последовательность нужно понимать в относительном смысле, как в относительном смысле нужно понимать все вещи и все идеи, потому что я не хочу исключать, даже если мне это кажется совершенно невозможным, возможность ошибок.

VIII. Свобода и дисциплина

Есть некоторые анархисты, которые, когда говорят об упразднении власти и о свободе, подразумевают также устранение той особой непринудительной власти, той моральной дисциплины, которая проистекает по необходимости из объединения нескольких людей на почве взаимного договора о сосуществовании и помощи.

Они не думают, что абсолютной свободы человека не существует, что это вещь всецело относительная, определяемая внешними причинами и подчинённая им. Она, словом, есть *возможность удовлетворять все наши физические и психические потребности и не терпеть никакого произвола со стороны других*. Эта свобода невозможна без организации.

И, заметьте, я вовсе не имею в виду только блаженные времена, когда мы будем жить при анархии! Я хочу сказать, что, организуясь, мы можем уже сегодня пользоваться большей свободой, чем по отдельности: потому что объединённые мы можем лучше сопротивляться произволу хозяина и правительства, потому что объединённые мы можем больше удовлетворять нашу потребность в пропагандистском и революционном действии, имея таким образом более широкое поле борьбы и бóльшие средства в нашем распоряжении, – что не мешает каждому осуществлять так же и даже лучше те формы деятельности, которые по существу индивидуальны.

Когда мы говорим, что хотим организоваться, мы устанавливаем также и причину, «почему» нам нужна наша организация; которая создана, чтобы действовать там, где в одиночку или малыми силами дело было бы невозможно и затруднительно. Естественно, то, на что способен один, он, даже будучи организованным, делает сам, не прибегая к помощи других, – то, на что его сил хватает. И так же группа не прибегает к помощи других групп, с ней объединённых в федерацию, для того, что

может сделать она сама. Любая либертарная организация возникает там, где для выполнения определённой задачи нужно объединиться в группу, а для других задач – объединить группы в федерации; и так далее.

Нам возражают, что всякий коллектив подвержен разделению на большинство и меньшинство и что во многих случаях организация сделает так, что меньшинство *должно* будет подчиниться большинству. Мы же не допускаем никакого угнетения и потому не даём ни большинству, ни меньшинству ни права, ни средств навязывать себя.

Конечно, разделение мнений и взглядов может возникнуть. Если раздор возникает по основным идеям и тактике, сила вещей такова, что, – ибо тогда они образуют две отдельные партии, – две части разделяются. Так мы, анархисты, когда различие оказалось непреодолимым и слишком большим, отделились внутри Интернационала от авторитарных социалистов. – Напротив, если разделение есть по вопросам малой важности, которые не затрагивают движения и общих идей, каждый думает и действует вне организации по-своему, не препятствуя общей работе самой организации.

Если же разногласие возникает в самом лоне организации, но разделение на большинство и меньшинство возникло по второстепенным вопросам, по фактическим деталям, по особым случаям, тогда нельзя, конечно, обвинять в непоследовательности, если одна из сторон, а чаще всего меньшинство, уступает и делает так, как хочет большинство. И поскольку эта уступка может быть только *добровольной*, здесь отсутствует даже намек на власть и принуждение. Если партия хочет провести конгресс, и все единодушны в желании собраться вместе анархистами всего мира, и есть только разногласие, например, в месте собрания, и одни предлагают Рим, а другие Париж, – нужно же, чтобы либо одни, либо другие уступили. И естественно, они уступят, если в них сильна потребность и желание собраться; как также естественно, что склонны уступить первыми те, кого меньше, поскольку и они будут того мнения, что лучше для общей экономии сил, чтобы меньшинство, а не большинство терпело данное неудобство.

Отмечаю факт, что противники федеративной организации, в противоположность нам, называют себя *автономистами* и называют свои группы автономными; в таком случае хорошо раз и навсегда напомнить, что мы автономисты, то есть сторонники индивидуальной автономии в группах и автономных групп в федерации и в партии. Это чтобы устранить, в том числе и на уровне языка, последние отзвуки формализма, в котором нас обвиняют. Это слово «*формализм*» несправедливо используется как обвинение против нас: – либо оно означает потребность придать *форму* идеям и борьбе, и это настолько естественно, что все в мире вынуждены к нему прибегать; либо оно означает обожание форм с пренебрежением к сути, и тогда мы, анархисты, не заслуживаем этого упрёка, не оправданного никаким конкретным фактом.

Именно эти смутные обвинения в «формализме», «авторитаризме», «искусственности» составляют полемическое достояние противников организации. И эти абстрактные слова имеют настолько широкое значение и настолько обширное истолкование, что их можно швырять против любого противника, против которого нет других аргументов. Они производят определённое впечатление, и от них всегда трудно защищаться; так они играют на руку тому, кто первым сумеет ими воспользоваться.

Но это слова, пустые по смыслу, поскольку никто не уточняет, какой формализм, какой авторитаризм действительно вреден и противоречит анархическим доктринам, возможным в анархической организации. Итак, не смутное пугало формализма, а определённые особые и конкретные авторитарные формы организации, которые мы хорошо знаем, с которыми мы должны бороться как в себе, так и в критике других партий. Но эти формы совершенно очевидны и настолько несовместимы с нашей идеей, что нечего бояться, что они вызовут отвращение даже у самого несознательного из анархистов, – тем более у анархического коллектива.

Например, тяжкое обвинение, которое предъявляют федеративной организации анархистов, состоит в том, что она «искусственна». Но все вещи, которые *делаются*, которые сделаны людьми, кроме совершенно неосознанных движений, искусственны; потому что естественных вещей недостаточно, и часто они даже вредны. Молния естественна, но против неё мы применяем искусственный громоотвод; и хотя рак и туберкулёз естественны, тысячи врачей трудятся в поисках искусственного средства их излечения. И делают добро. И пропаганда тоже искусственная вещь; более того, чем искуснее она сделана, тем она глубже. Почему же тогда не могла бы существовать организация с целью пропаганды, раз эта последняя может от неё стать более интенсивной?

Весь страх антиорганизационистов – это страх перед формой, перед искусственностью, перед методом; они видят, что некая форма организации, имя, метод используются нашими врагами, и выносят им всем скопом приговор. Они не способны, иными словами, сделать простейший вывод: что многие из этих форм, этих слов и этих методов безвредны сами по себе и не имеют иного значения, кроме значения содержания; дайте им анархическое содержание – и они будут в полном согласии с анархией. Есть также, естественно, формы, которые составляют одно целое с сутью, и они либо анархичны, либо нет; но это не случай организации, которая недостаточна для возникновения власти и, если создана анархистами, напротив, является препятствием для неё.

IX. Опасность личного влияния и делегирование функции

Другой повод обвинять в непоследовательности находят в предполагаемой лёгкости, с которой в организации люди более одарённые, более симпатичные, более активные или, может быть… более хитрые могут стать настоящей властью над массой, с угрозой также сбить её с пути. Я показал выше, что эта угроза больше среди неорганизованных и что, напротив, организация служит для борьбы с подобной опасностью, а не для того, чтобы её усугублять.

Как бы то ни было, опасность остаётся, насколько бы она ни была уменьшена и насколько бы её определяющей причиной ни была организация. Но является ли это настоящей, подлинной непоследовательностью по отношению к анархической идее? Я так не думаю, также и потому, что если бы это было так, то не была бы возможна никакая анархия; ведь люди никогда не будут полностью психически и физически равны, и как бы огромные различия ни стремились исчезнуть, всегда будут люди одарённые и посредственные, активные и слабые, симпатичные и антипатичные,

– и одни всегда будут иметь над другими неоспоримое моральное превосходство, даже и, может быть, больше, когда не будет больше материальных тираний.

Но анархия как положительное боевое устремление есть уничтожение материальных тираний; против моральных авторитетов у неё нет ничего другого, что можно противопоставить, кроме науки. Но сама наука является источником моральных авторитетов. Даже при анархии кто не признает авторитет врача в вопросах гигиены и архитектора в вопросах строительства стен? Так при анархии будет моральный авторитет человека гения, человека симпатичного, активного и так далее. Но анархия не перестанет из-за этого быть анархией, – поскольку ни врач, ни архитектор, ни человек гениальный или активный, ни хитрец не смогут навязать свой авторитет, когда другие не захотят его терпеть; ибо анархическая общественная организация не предоставит в их распоряжение никаких средств принуждения чужой воли. Конечно, и это явление, несмотря ни на что, принесёт проблемы; но… мы никогда не полагали, что при анархии не будет больше никаких проблем и что тогда наступит земной рай.

И мы не мечтаем утверждать, что в анархических организациях внутри нынешнего общества не может быть множества проблем. Напротив! Но они – не порождение самого принципа организации: без неё их было бы столько же, а на деле даже больше. И поэтому сами по себе они не противоречат анархической идее.

«Но общественные должности? – кто-то возражает нам; – в анархических организациях мы видим, что назначаются исполнительные комитеты, комиссии по переписке, секретари и так далее. Разве это не настоящие власти, маленькие правительства?». Нет, отвечаю, прежде всего потому, что у них нет никаких средств навязать объединению свою волю, даже если бы они были на это уполномочены и имели это целью. Затем они не являются властями, потому что если бы это было так, то было бы невозможно существование гражданского и человеческого общества. Во всяком сожительстве есть между участниками разделение труда; и некоторые из них вынуждены брать на себя общественные функции, необходимые и полезные всем. Сегодня эти функции имеют авторитарный характер, потому что осуществляются в большей части авторитарными органами; но не они являются властью.

И всё же многие впадают в это заблуждение: видят функцию, бесспорно полезную, осуществляемую правительством или капиталистом дурно и деспотично; и заключают, что эта функция и есть источник злобы и деспотизма, и требуют её упразднения. И всё же полагаю, что ни один анархист не станет утверждать, что при анархии нужно упразднить почтовую или железнодорожную службу только потому, что сегодня почта и железная дорога гнусно осуществляются капиталистическим государством. То, что верно для будущего общества, верно и для анархических организаций, которые делегируют некоторых своих членов выполнять определённую функцию, а не осуществлять власть. Делегирование функции, следовательно, а не делегирование власти. И от делегирования функции нельзя обойтись, поскольку в кружке не все товарищи в одно и то же время могут быть его казначеем или секретарём, и не все могут взяться выполнять данную функцию, для которой достаточно одного.

Необходимость этих особых уполномоченных расширяется и становится сильнее, чем обширнее организация, чем шире её поле деятельности. Но, чтобы устранить всякую опасность авторитаризма, достаточно ограничить и хорошо определить функции, которые они должны выполнять: чтобы они не могли действовать *от*

имени объединения, если его члены их на это не уполномочили, если они с этим не согласны; чтобы они были обязаны исполнять то, что участники решили, а не диктовать самим участникам путь, которому нужно следовать. Так устраняется и самое отдалённое подозрение в непоследовательности.

Если уж на то пошло, если тень власти может воплотиться в этих уполномоченных объединений, речь всегда идёт о *моральной* власти, без опасности, что она может превратиться в принудительную власть на деле. Такая власть никогда не сможет быть, во всяком случае, такой сильной, как та, которую может развернуть в неорганизованной среде активный и умный товарищ. Даже сегодня, в буржуазных объединениях, известно хорошо, что казначей, секретарь или исполнительный комитет, – даже если о них трубят на всех перекрёстках в газетах, – в действительности почти не имеют никакой власти. О, почему же кто-то хочет считать это возможным именно в анархическом объединении? Не является ли это бесполезной доктринёрской софистикой?

Так же глупо говорить, что анархисты хотят организоваться из подражания авторитарным партиям и потому, что верят, будто те обязаны своими успехами факту организации.

Истина в том, что авторитарные партии добились успехов не только благодаря способу, которым они организованы, но и благодаря организации как таковой; одно не исключает другого, и объединение, как бы оно ни было сделано, всегда сила, которой не следует пренебрегать.

Организация не имеет, это правда, магической силы сама по себе, *но может прибавить* силу и способность к действию своим сторонникам, если, разумеется, они «*люди, а не бестолковые овцы*». Организация, созданная анархистами для анархической цели, под каким бы словом она ни скрывалась, старым или новым, не предполагает в себе присущего ей никакого авторитарного духа; и путь, который она пройдёт, она должна будет отчасти организации, но только потому, что следует либертарной идее; так же как авторитарные партии, пройдя такой большой путь с помощью организации, теперь начинают отступать не по вине организации, а просто потому, что их цель была, в средствах и в цели, сознательно авторитарной и антиреволюционной.

Так, например, восстание будет полезно революции; но могут быть и реакционные восстания. Были восстания санфедистов или бурбонские; но разве это было причиной, чтобы итальянские патриоты отрицали пользу восстания для освобождения родины от иноземцев? Организация и её формы служат авторитаристам, но нет ничего противоречивого в том, чтобы пользоваться ими и нам.

Все трудности, в сущности, коренятся в наименованиях; одним не нравится слово «партия», другим – «организация». Так есть и такие, кто нашёл, что возразить против того, что некоторые анархисты создали федерацию Лацио и хотят создать Итальянскую, что есть федерации и партии анархистов Немецкие, Голландские, Богемские и так далее, как если бы этим хотели признать принцип национальности! Но это, право, формализм, и худшего рода!…

X. Заключение

Словом, никоим образом концепция федеративной организации индивидов в группы и групп в региональные, национальные и международные федерации не противоречит принципам свободы анархизма.

И эта последовательная связь с либертарным методом внутри буржуазного общества возможна не только для анархических организаций. Есть и могут быть объединения, даже состоящие из не-анархистов, которые во внутреннем функционировании либертарны, – и это не вредит, а, напротив, облегчает достижение их особой цели. Эли Реклю у первобытных народов, которые ведь не управляются по принципам истинной анархии, нашёл примеры либертарных объединений; также Пётр Кропоткин говорит нам о либертарных объединениях среди животных, среди дикарей, среди ремесленных гильдий и в коммунах средневековья. Тот же Кропоткин вместе с Элизе Реклю, доказывая, как в современном обществе есть сильное стремление к коммунизму и к анархии, приводят многочисленные примеры торговых, промышленных, благотворительных, научных и художественных объединений, многие из которых, хотя и имеют цель совсем не анархическую, во внутренней организации управляются либертарно или почти либертарно. Итак, если такая возможность не исключена для не-анархических индивидов, объединённых для совершенно буржуазных целей, почему мы должны исключать её для себя? почему мы должны отрицать возможность объединяться на либертарных основах для нас, поскольку мы анархисты и ставим себе по существу антибуржуазную и антиавторитарную цель?

Автономия и организация далеки от того, чтобы быть противоречащими друг другу терминами: напротив, напротив, они точно передают понятие, которое анархисты имеют об индивиде и обществе. «Автономия и федерация – две великие формулы будущего, – говорит наш друг Шарль Малато[7], – Отныне большинство социальных движений будет двигаться в этом направлении». И это также наша идея, потому что мы думаем, что организация находит в федеративной форме лучший способ проявляться в истинно анархическом смысле.

Рим, 15 июня 1907

ЛУИДЖИ ФАББРИ

[7] Charles Malato, «*Philosophie de l'Anarchie*», Considérations générales (Шарль Малато, «*Философия анархии*», глава «Общие соображения»). (прим. авт.)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Луиджи Фаббри
Анархическая Организация
Доклад, представленный Итальянскому Анархическому Конгрессу в Риме (16-20 июня 1907) и Международному Анархическому Конгрессу в Амстердаме (24-31 августа 1907).
1907

Текст был разделен на 11 частей, только первая часть изначально была с названием. Названия для остальных частей придумал переводчик.

ru.anarchistlibraries.net